

Проблемы терминологии ограничительных мер в международном праве

Научный руководитель – Молотников Александр Евгеньевич

Клемешев Павел Андреевич

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра предпринимательского права, Москва, Россия

E-mail: pasha.klemeshev@gmail.com

Применение ограничительных мер сегодня является одним из наиболее острых и актуальных вопросов международного права, который нуждается в соответствующих мерах юридического реагирования, что требует создания единой понятийной классификации ввиду терминологического разнообразия: определения санкций, односторонних ограничительных мер, принудительных мер, контрмер, реторсий и репрессалий неизменно смешиваются между собой.

Хотя такая строгая система вызывает сомнения в возможностях своего существования ввиду разных позиций ученых, усугубляемых языковыми барьерами, к сегодняшнему моменту сформировался консенсус, что термин «санкции» корректно употреблять лишь по отношению к мерам, предпринятым Советом Безопасности ООН во исполнение Устава ООН на основании его же седьмой главы. При этом недавно некоторые специалисты [1] подчёркивали, что смешение понятия «санкция» с другими схожими терминами может уменьшать роль самого института санкций, и, опосредованно, роль Совета Безопасности ООН, равно как может придать вид большей легитимности ограничительным мерам той страны, которая сама использует термин «санкция» по отношению к ним, чем, например, пользовалось Министерство финансов США. Эта дискуссионная позиция сегодня скорее утратила актуальность по причине как всеобщего стремления усилить таким способом свои собственные ограничительные меры, так и общепринятого употребления термина в широком смысле в обыденной речи, когда под санкциями подразумеваются сами ограничительные меры в международном праве. Таким образом, следует разграничивать понятие санкции в узком смысле как инструмента Совбеза ООН и санкции в целом как синонима любых международных ограничительных мер. При этом само понятие «ограничительные меры» не имеет закреплённого единого определения; в целом его понимают как применение одним субъектом международного права определенных процедур, целью которых является оказание влияния на другой субъект международного права для изменения политики последнего вопреки его первоначальной воле. Вместе с тем следует отделять ограничительные меры от понятия самообороны, которая изначально преследует схожие, но всё же другие цели (главная задача – выживание того, кто подвергся агрессии), на что указывают и Проект статей об ответственности государств (Draft articles on Responsibility of States), и сам Устав ООН, выделяющие понятие самообороны в отдельные статьи.

Таким образом, выстраивается система, в которой ограничительные меры (или санкции в широком смысле) разделяются на «вертикальные» (предпринимаемые Совбезом ООН или санкции в узком смысле) и «горизонтальные» (они же односторонние ограничительные меры). Контрмеры, ещё одно часто встречающееся понятие сегодня [4], являются мерами, принимаемыми индивидуально потерпевшим государством к государству-нарушителю в ответ на противоправное деяние. Как указала сама Комиссия ООН [2], термин подчеркивает законную возможность государств действовать против нарушителя. Именно последнее побуждает не называть контрмерами все односторонние ограничительные меры: возникает серьёзный вопрос в случае, если меры, которые применяет государство,

не являются ответом на нарушение. Например, относительно устаревший термин «репрессалия» предполагает [3], что речь идет про правомерные принудительные действия государства, направленные на восстановление прав, нарушенных другим государством, при помощи действий, иных, чем применение силы или угроза ее применения, что, в свою очередь, является предтечей термина «контрмеры». Но схожий же термин «реторсия», которым называли недружественный акт, однако, по существу законный, совершаемый в ответ на предшествующее недружественное действие, не содержащее состава нарушения, уже контрмерой не является, но безусловно является мерой воздействия, принудительной мерой. В этом смысле представляется разумным соотносить термин ограничительные меры с «принудительными мерами» или же, как их называют в зарубежной литературе, «coercive measures»: фактически каждая ограничительная мера является принудительной (элементом «coercive diplomacy» [5]), но не каждая ограничительная мера основывается на совершении правонарушения целью, но меры Совбеза ООН всегда будут основаны на правонарушении. Более актуальным примером является блок санкций ЕС против России, часть которого противоречит или основополагающим принципам международного права, или своему собственному законодательству. Например, в соответствии с Регламентом Совета ЕС № 2022/334 (статья 3d) был установлен запрет на использование воздушного пространства ЕС для регулярных рейсов самолетов с российской регистрацией, что во многом противоречит статьям 9, 11 Чикагской конвенции 1944 года, основанных на принципе недискриминации, когда любые правила относительно допуска на свою территорию и выпуска воздушных судов должны применяться к воздушным судам всех стран без различия их национальности. В 2014 году Совет ЕС включил в текст Регламентов N 833/2014 (ст. 11) и N 692/2014 (ст. 6) норму, установившую запрет на удовлетворение исковых требований физических и юридических лиц к европейским контрагентам в рамках заключенных контрактов, затронутых ограничительными мерами и возложил бремя доказывания на лицо, требующее исполнение данного обязательства. Такие положения нарушают базовые принципы гражданского права, но явно по характеру являются близкими к односторонним ограничительным мерам, однако контрмерами не являются.

Таким образом, следует продолжать разработку системы юридической терминологии в данной сфере с целью совершенствования дальнейших возможностей по юридической защите и методологическому исследованию схожих понятий. Проведение комплексного исследования по теме с выведением единой позиции большинства специалистов может быть затребована самими меняющимися политическими обстоятельствами.

Источники и литература

- 1) Критский К.В. Термины «международные санкции» и «односторонние ограничительные меры». Московский журнал международного права. 2016;(2): – С. 204-213.
- 2) Ежегодник Комиссии международного права, 1991/ в 2-х т. – Нью-Йорк: Изд-во ООН, 1993. – Т. 2, Ч. 1. – С. 67.
- 3) Международное право: словарь-справочник / под общ. ред. В. Н. Трофимова. – М., 1997. – С. 285.
- 4) Zoleer E. Peacetime Unilateral Remedies: an Analysis of Countermeasures. – New York, Transnational Publishers, 1984. – P. 179.
- 5) Feaver, Peter and Lorber, Eric and Lorber, Eric, Coercive Diplomacy and the New Financial Levers: Evaluating the Intended and Unintended Consequences of Financial Sanctions (August 19, 2010).